

Лушэна внесли в дом, обмыли, перевязали раны. Цзинь Шиань не позволил отправлять его обратно, лишь обронил:

— Оставьте его в моей комнате, поговорим, когда очнется.

Пришел врач, осмотрел больного и нахмурился:

— Побои — средство, безусловно, действенное, но стоит ослабить контроль, как пациент срывается еще быстрее.

Цзинь Шиань потер виски:

— Никто его не бил, он сам об стену бился.

Врач удивился еще больше:

— Значит, в нем силен дух бусидо.

Шианю захотелось ударить и врача, и Чжоу Юя: кого это они притащили? Какое еще бусидо? Ты мне тут зубы не заговаривай. Увидев недобрый взгляд хозяина, врач поклонился:

— Если он сможет продержаться в таком духе, полагаю, это будет успешный случай. Нужна ли еще настойка опия?

От упоминания этого самого бусидо Шианя уже воротило. Он распорядился, чтобы Чжоу Юй отвел врача в переднюю, а напоследок буркнул:

— В следующий раз зови хоть англичанина, хоть американца, только не смей больше приводить сюда этих чертовых японцев.

Чжоу Юй почесал затылок, не совсем понимая, чем японцы хуже других. Разве англичане не жгли Летний дворец? Наверное, молодой господин вспомнил покойную госпожу — она ведь была княжной, а у императорской семьи с японцами давние счеты. Ладно, в следующий раз приглашу голландского доктора, они хоть могилы предков Айсиньгёро не разрывали.

Дождь лил весь день. Цзинь Шиань, забыв о еде, не отходил от постели. Лушэн пришел в себя лишь к сумеркам. Шиань, шмыгая носом, дремал рядом, привалившись к кровати, как большая собака. Заметив, что тот открыл глаза, он тут же включил лампу.

Лушэна ослепило, он зажмурился.

Шиань в испуге прикрутил свет и, запинаясь, выдавил:

— Брат, ты меня до смерти напугал. Я ведь просто так сказал, зачем же ты так горячишься?

Лушэн и сам не понимал, что у него на душе. Сначала обиды не было, но от мягких слов Шианя вдруг стало горько. Слезы сами покатились по щекам, и он тихо произнес:

— Я полжизни провел в гриме, человек низкого сословия, кто меня за человека считал? Ты называл меня братом, и я обязан был ответить тем же. Если бы я нарушил слово в первом же

деле, разве не стал бы ты презирать меня еще больше?

Увидев его слезы, Шиань растерялся, решив, что опять сказал что-то не то. Впрочем, виноват он был всегда, поэтому принялся утешать, неуклюже вытирая лицо Лушэна своими грубыми руками.

Быть таким братом — настоящее испытание. Это не младшего брата завел, а, мать его, благородную барышню.

Будь Бай Лушэн хоть немного противнее или распущенное, Цзинь Шиань давно бы махнул рукой. Но в нем жила такая твердость — при всей внешней хрупкости внутри скрывался настоящий мужчина, и именно это вызывало у Шианя глубокое уважение. Повидав на своем веку немало притворщиц, он впервые встретил того, кто был чист, как лотос. Держать в руках — боялся раздавить, отпустить — боялся, что улетит. Жалко его, больно за него, а как правильно проявить заботу — не знает. Хоть плачь.

Лушэн, заметив, как Шиань смущенно опустил голову, не зная, куда деть руки, почувствовал, как сердце смягчилось. Он корил себя за неосторожность: ведь он сам виноват, что всё раскрылось и Шиань так перепугался. Не зная, сколько гадостей наговорил в бреду, он виновато прошептал:

— Я в болезни не соображал, что говорю. Если обидел тебя чем, не держи зла.

Шиань снова хмыкнул, взял с тумбочки чашку с отваром лонгана, которую грели в теплой воде, и, принявшись к ароматному пару, попробовал сам:

— Нормально, не обжигает. Хватит болтовни, открывай рот.

Лушэн не хотел, чтобы тот за ним ухаживал:

— Позови Цзяохун, не дело тебе этим заниматься.

Шиань усмехнулся:

— Пей давай! Они весь день с тобой возились, устали. Брось свои замашки господина, Цзяохун тоже есть хочет.

— Я сам справлюсь.

— Заткнись, а то буду с ложечки кормить, как младенца.

Один неуклюжий, как Ли Куй, другой стыдливый, как Ян-гуйфэй — странная пара, но обоим было хорошо. Пара ложек, и Лушэн уже не чувствовал вкуса отвара, зато лицо его залил румянец. Шиань, разглядывая царапины на его щеках, коснулся их пальцем:

— Больно?

Лушэн, дороживший своей красотой и боясь остаться с отметинами, все же напустил на себя храбрость:

— Мужчине не лицом зарабатывать, что мне пара царапин.

Шиань рассмеялся:

— Врешь! А кто во сне причитал: Ой, тетушка Лю, лицо мое испорчено! Что же теперь делать! Посмотрите, я очень страшный?

Лушэн покраснел и легонько ударил его.

За окном шумел осенний дождь, принося свежесть и аромат трав. Слуги ужинали в переднем дворе, и только они двое, в мягком свете лампы, тихо переговаривались, словно во сне.

Накормив его, Шиань осмотрел синяк на лбу и руку:

— И чего ты добивался? Исколол себя разбитой вазой. Если у тебя была такая воля, почему раньше не бросил наркотик?

Лушэн прикусил губу.

Шиань прилег рядом:

— Тетушка Лю сказала, что тебя подставили. Кто это сделал?

Лушэн отвернулся, не желая вспоминать.

А что тут скажешь? Когда-то Цзинь Чжунмин сломал ему руку, и он лечился дома. Молодой господин Цзинь уехал в Тяньцзинь, а Нанкинская торговая палата как назло именно тогда устроила банкет, пригласив всех знаменитых актеров. Если бы он не пошел, это значило бы, что некому защитить честь семьи Цзинь. Он, преодолевая боль, вышел на сцену. Один знакомый актер, с которым они были в хороших отношениях, подсунул ему какое-то зелье, сказав, что оно придаст сил.

Оказалось — настойка опиума.

Так он и подсел.

Позже выяснилось, что этот актер когда-то соперничал с ним, проиграл и, опозоренный, сменил профессию, затаив лютую ненависть. И гнев Цзинь Чжунмина, и этот банкет — всё было его рук делом.

Коварный план: человек, чей голос — его хлеб, подсев на эту дрянь, либо останется рабом, либо, пытаясь бросить, сорвет голос. А враг знал, что молодой господин Цзинь ненавидит опиум, и специально поссорил их, чтобы оставить Лушэна в одиночестве.

Разве мало в театральном мире интриг и зависти? Но винить некого, сам не устоял. Одно было больнее всего: когда Цзинь Шиань спустя два месяца вернулся из Шанхая, Лушэн, полный обиды, демонстративно курил трубку, чтобы тот увидел, как он страдал, надеясь хоть на слово сочувствия.

А Шиань посмотрел на него и молча ушел.

Привезенные подарки — драгоценные украшения — полетели на пол и разбились вдребезги.

Лушэн плакал, топча осколки, задыхаясь от боли и гнева. Столько лет вместе, неужели трудно спросить, что случилось? А Шиань в ответ исчез на несколько месяцев, и поговаривали, что он танцует с барышнями!

Когда они встретились снова, он сказал лишь: Бросай это. Лушэн, из упрямства, ответил: раз ты приказал, я не брошу. Считай, что ты мне должен. Так он и погубил себя. Сейчас он понимал, как глуп был тогда.

Шиань, видя, что Лушэн снова плачет, испугался:

— Мать моя, не плачь! Все можно исправить, больше не буду спрашивать.

Лушэн понял, что тот не так его понял, но объясняться не стал. От стыда он плакал еще горше:

— Я виноват перед тобой. Больше я к этому не притронусь, не хочу, чтобы ты тратил на меня силы.

— Ты ни в чем не виноват, — Шиань взял его за руку. — Лушэн, скажи честно, считаешь ли ты меня своим товарищем? Другом?

Лушэн смахнул слезы:

— Считаю.

— А вот и нет, — сказал Шиань. — Дружья помогают друг другу. Если у тебя беда, я должен быть рядом. Если я буду в стороне жевать семечки, пока ты борешься с этой заразой, какой я после этого мужчина?

Лушэн залился краской. Никто и никогда не относился к нему с таким вниманием. Все вокруг только притворно советовали, а сами подсовывали дурман. Даже молодой господин Цзинь раньше вспоминал о нем, когда было время, а не было — забывал. Глядя на него, Лушэн чувствовал, как внутри все перевернулось.

Шиань вытер ему слезы:

— Я даже своих девушек так не утешал. С сегодняшнего дня мы проходим через все вместе. Хочешь бесноваться — я рядом, хочешь биться головой о стену — бейся об меня. Не согласишься — значит, презираешь меня.

Лушэн со слезами кивнул.

— Это наш первый бой. Я — танк, ты — атакуешь, идет?

Лушэн не понял, что такое танк и атака, но ответил:

— Как скажешь.

Шиань сжал его руку и улыбнулся.

Всю зиму они боролись плечом к плечу. Шиань в полной мере прочувствовал, каково это — быть родственником роженицы, да так сильно, что за три месяца успел бы вырастить ребенка.

В начале года пригласили немецкого доктора — голландца не нашли. Немец осмотрел Лушэна и приподнял бровь:

— Теперь нужно думать только о фитнесе, он слишком худой.

Шиань и Лушэн переглянулись и просияли.

О тренировках и говорить нечего — немецкая строгость. Шиань планировал утренние пробежки, но стоило рассвети, как он услышал, что народный артист уже распевается во дворе.

Шиань подпер подбородок:

— Я и то встаю рано, ты во сколько поднялся?

Лушэн поспешно опустил ногу:

— Я тебя разбудил?

Шиань улыбнулся:

— Нет, что ты, это даже лучше пробежки. Продолжай.

Лушэн смутился, оглянулся на него и застенчиво отвернулся.

— Пой.

— Не буду, ты смотришь, неловко.

— Тогда я закрою глаза, — Шиань прикрыл лицо ладонями, подглядывая сквозь пальцы. — Смотри, я ничего не вижу! Ты же профессионал, перед тысячами людей выступал, чего стесняться?

Лушэн не ответил, лишь спустя долгое время донеслось:

— Тебе какое дело.

Шиань рассмеялся и ушел. А из двора донеслось чистое, нежное пение:

Весенний ветер ласкает горы и воды, словно возвращение в парчовых одеждах...

Снова и снова одни и те же строки. Голос, слабый после долгой болезни, звучал чисто и нежно, словно призывая весну.

Шиань не знал, что в следующей строке, которую он не допел, скрывались робкие слова:

— Благодарю тебя.

В холодном северном ветре расцвела слива.

В тот год Цзинь Шиань не поехал домой на праздник, все мысли были о Лушэне. Глядя, как тот поправляется, возвращая себе прежний блеск, и видя, что на теле не осталось ни шрама, он чувствовал, что они буквально вырвали его из рук смерти.

Лушэн был добрым человеком: обретя покой, он начал жалеть других. Он думал о молодом господине Цзине — тот остался один, семейный бизнес в чужих руках, где он теперь, как живет? Вся бывшая ненависть исчезла, уступив место сочувствию.

— Интересно, как он там? — спрашивал он Шианя.

— Хорошо! Прекрасно! — сердился Шиань. — В новом Китае разве может быть плохо? Страна богата, войны нет, корпорация Хайлун теперь его!

Лушэн удивился:

— Разве сейчас снова война?

Шиань промолчал.

Да, все они, как и Лушэн, не верили, что Нанкин ждет резни. Даже он сам не мог в это поверить.

Много лет спустя люди будут называть тридцатые годы смутным временем. Но в те первые годы никто не думал, что именно Япония принесет в Китай это слово.

С Первой мировой войны Японию считали гиеной, подбирающей объедки, чьи амбиции ограничивались лишь куском плоти от гниющего тела Китая. Они пытались отнять Циндао у России и тут же столкнулись с экономическим бойкотом. Приход к власти Чан Кайши и дружба с Америкой давали китайцам уверенность, что Япония не посмеет нападать всерьез.

Новое правительство подарило людям ложную уверенность, а власти были слишком заняты подавлением коммунистов, чтобы заметить, как в углу скалятся японские клыки. Никто не знал, что за несколько лет в этой островной стране произошел ряд радикальных переворотов. Она, как и Китай, была унижена великими державами и выбрала самый жестокий путь: через агрессию к богатству и силе.

На карте мира тридцатых годов Восточная Азия была хаотичным и темным углом. Огромная, но незначительная, с миллиардным населением, лишенным права голоса.

Великие державы не интересовались ситуацией в Азии, пока не затрагивались их привилегии. Китайское правительство верило, что управляет великой державой и является другом Америки. Они уже были однажды обмануты Вильсоном, но другого пути не видели, кроме как слепо следовать дальше.

Нет ничего печальнее, чем доверить судьбу страны другим. Оглядываясь назад, люди верят, что Чан Кайши не мог вечно мириться с таким положением, но как бы ни пытались оправдать его, нельзя отрицать — он был одержим борьбой с политическими врагами.

Китай 1930 года шел путем самоуничтожения, борьба за власть ослепила правителей, а судьба страны была отдана ненадежным союзникам.

Конечно, Шиань этого знать не мог. Его знания по истории были никудышными, и грядущую

кровавую бурю он объяснял просто: волчьи аппетиты.

Больше объяснений у него не было.

Люди так устроены — они ослеплены повседневной суетой. Чан Кайши был таким, и Шиань тоже. Он был человеком действия: есть дело — работай, нет — спи. Что до государственных дел, то не молодому господину Цзиню решать, воевать или нет.

Цветы сливы осыпались, за забором зацвел абрикос, и его жизнь текла в простых мелочах.

Знакомые знали, что он болеет, но не знали, где он, а всех, кто приходил в особняк Цзинь, останавливал Цзинь Чжунмин. Он приходил пару раз, ворчал, что Шиань ведет себя недостойно, забыл о воспитании и позорит предков.

Шиань лишь закатывал глаза. Империя Цин давно пала! Ты сам поддерживаешь республику, а все твердишь о княжнах и принцах. Уходи уже, старик, не до тебя!

В начале марта пришел незнакомец по фамилии Тао. Военный, в парадной форме, он принес два подарка и говорил очень сбивчиво. Шиань, умиравший от скуки, пригласил его присесть. Гость смутился:

— Не знал, что молодой господин Цзинь здесь лечится.

Когда вышел Лушэн, лицо офицера залилось краской:

— Мастер Бай, помните меня? Я Тао, когда наш полк стоял здесь, я обожал слушать ваше пение.

Лушэн улыбнулся:

— Господин Тао, как ваши успехи? Я давно уже не пою.

— Как жаль, — вздохнул тот. — Услышал, что вы больны, принес птичье гнездо... и вот это.

Он открыл коробку, в которой лежал изящный веер.

— Вы лучше всех исполняли Пионовый павильон, даже пекинские звезды не сравнятся с вами.

Лушэн, привыкший к таким фанатам, спокойно принял подарок:

— Работа сучжоуских мастеров. Изящно, сливы и ивы — специально для сцены Сон в саду.

Офицер был на седьмом небе от счастья, он хотел взять его за руку, но при Шиане не решился. Он смотрел на Лушэна так нежно, что Шианю стало кисло.

— Недостойн, недостойн, вы — мастер, а мы так, любители. Если бы когда-нибудь вы снова спели, это было бы... это было бы...

Шиань почувствовал, что его здесь явно лишний, и закашлялся:

— Кхм-кхм!

Лушэн повернулся к нему, едва сдерживая улыбку, и сказал офицеру:

— Благодарю. Если когда-нибудь я снова выйду на сцену, обязательно приглашу вас. А кто сейчас в Нанкине поет лучше всех?

Офицер с сочувствием спросил:

— Ваш младший брат по сцене все еще популярен. Он не навещал вас?

Шиань, видя, как они любезничают, окончательно вышел из себя. Он чувствовал, что его игнорируют, и, допив чай, громко крикнул:

— Цуйэр! Чай!

<http://bllate.org/book/19790/1950115>